

Резюме

А. А. Данилова. Деепричастия татышлинского говора удмуртского языка

Настоящая статья преследует две цели. Во-первых, в ней представлен типологический обзор нефинитных обстоятельственных клауз и глагольных форм, которые их возглавляют, в татышлинском говоре удмуртского языка. Рассматриваются морфосинтаксические и семантические свойства четырёх деепричастий (конвербов): деепричастия на *-sa* — полифункциональной формы со значениями образа действия, сопровождающего обстоятельства и причины; его отрицательного аналога — деепричастия на *-tek*; деепричастия на *-kâ*, выражающего таксисное значение одновременности, а также деепричастия на *-č'č'ož*, значение которого сопоставимо с русскими союзами *пока*, *до того*, *как*. Насколько нам известно, в научной литературе отсутствуют подробные описания нефинитных глагольных адьюнктов в татышлинском удмуртском, тогда как существующие работы по литературному удмуртскому недостаточно освещают ряд свойств, важных для типологического сопоставления деепричастий.

Во-вторых, в статье демонстрируется, каким образом деепричастия, выражающие таксисное значение одновременности, могут быть разграничены с формами, обозначающими сопровождающее обстоятельство. Хотя оба семантических типа широко обсуждаются в типологической литературе, чёткие критерии отнесения конкретной глагольной формы к одному из них отсутствуют. С опорой на дискурсивные и синтаксические критерии показано, что данные значения представляют собой различные функциональные типы в татышлинском удмуртском, а не пересекающиеся интерпретации.

Исследование основано преимущественно на данных элицитации, полученных в ходе полевой работы с носителями языка, и дополнено примерами из корпуса [TUC]. В статье используется типологический подход к описанию деепричастий, изложенный в [Haspelmath 1995; König 1995; Nedjalkov 1995].

Ключевые слова: удмуртский язык, деепричастия, нефинитные клаузы, зависимый таксис, сопровождающее обстоятельство, связь клауз

С. А. Оскольская. Маркирование подлежащего зависимой предикации с вершиной причастием в нанайском языке

В статье рассматриваются полипредикативные конструкции нанайского языка, в которых вершина зависимой предикации выражена причастием. В фокусе внимания находятся способы выражения субъекта зависимой предикации. Исследование выполнено на материале устных текстов, входящих в Корпус нанайского языка. Субъект в зависимой предикации может быть выражен отдельной именной группой и вызывать согласование на причастии. В конструкциях с сентенциальными актантами при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации субъект в зависимой клаузе не получает отдельного выражения; в этом случае причастие оформляется рефлексивным показателем. В модальных контекстах используется безличное причастие. При некорреферентности субъектов подлежащее зависимой предикации обычно выражается номинативной формой (без падежных показателей), но в редких случаях зафиксирован подъем субъекта в главную предикацию, где он оформляется в соответствии с синтаксической позицией. В обоих случаях субъект вызывает лично-числовое согласование на причастии.

Относительные конструкции существенно отличаются от конструкций с сентенциальными актантами. При релятивизации подлежащего субъект зависимой предикации никак не выражен и не вызывает согласования на причастии. При релятивизации других синтаксических позиций субъект выражен номинативной формой и вызывает лично-числовое согласование на причастии. Определяемое имя обычно находится в главной предикации, однако в редких случаях оно зафиксировано в зависимой предикации и оформлено в соответствии со своей синтаксической позицией.

Ключевые слова: нанайский язык, полипредикация, причастие, относительные конструкции, конструкции с сентенциальными актантами, субъект зависимой клаузы

А. А. Русских. Семантика конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка в типологической перспективе

Настоящая статья посвящена конструкциям со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка. В рассматриваемом говоре выделяются пять универсальных кванторных слов — *por*, *měnbor*, *pědēm*, *kazni* и *ves*, — которые могут сочетаться с аддитивной и эмфатической клитиками, посессивным показателем или инструментальным падежом. Мы описываем семантическую дистрибуцию конструкций со значением всеобщности, учитывая вклад как лексических, так и грамматических элементов. В основе анализа лежит классификация ключевых кванторных значений, предложенная в типологическом исследовании [Татовосов 2002].

Анализ конструкций со значением всеобщности показывает, что универсальные кванторные слова задают базовое распределение между зонами универсальной квантификации, тогда как грамматические элементы накладывают дополнительные ограничения. Конструкции с аддитивной клитикой не используются для кодирования универсальной квантификации с едиными сущностями. Посессивный маркер, выполняющий функцию показателя определённости, не употребляется в генерических контекстах, несовместимых с определённым референциальным статусом множества. Инструментальный маркер служит для обозначения полного охвата неодушевлённых целостных объектов.

Мы уточняем классификацию универсальных кванторных значений за счёт выделения промежуточной зоны, включающей неисчисляемые, собирательные и абстрактные имена, которые демонстрируют переходные свойства между квантификацией множеств и единичными объектами. Учёт этих значений позволяет показать, что с точки зрения кодирования универсальной квантификации различные промежуточные типы значений образуют континуум между множествами и единичными объектами.

Ключевые слова: универсальная квантификация, аддитивная частица, чувашский язык, тюркские языки

Д. С. Сидоркина. Непрямая эвиденциальность в лесном ненецком — свидетельства против двойной сферы действия

Показатель непрямого засвидетельствованности *-mæ/-mi* в лесном ненецком в большинстве позиций фонетически совпадает с суффиксом причастия прошедшего времени *-mæ/-mi*. Ранее было отмечено, что элемент *-mæ/-mi* может занимать две морфологические позиции — до суффикса *-λ°xa/-rəxa* или после него [Burkova 2010; 2022]. Однако имеющиеся в литературе сведения относительно семантической интерпретации этих конструкций носят достаточно общий характер. В настоящей статье вводятся новые эмпирические данные по лесному ненецкому, иллюстрирующие семантические, темпоральные и структурные свойства показателя *-mæ*.

Эпистемический суффикс *-λ°xa* омонимичен симилятивному маркеру, который присоединяется к именам. Конструкция *V-mæ-λ°xa* ранее описывалась и как эвиденциально-эпистемическая, и как сочетание причастия прошедшего времени и симилятива. Согласно нашим данным, полученным методом элицитации, *V-mæ-λ°xa* не имеет эвиденциальных или эпистемических значений. Семантические и морфосинтаксические свойства конструкции указывают на то, что она является сочетанием причастия прошедшего времени и симилятивного показателя. Вследствие этого конструкция лишена эпистемического значения, т. е. не передаёт значения, что говорящий считает вложенную пропозицию *p* истинной или вероятной. Кроме того, конструкция *V-mæ-λ°xa* отличается от эвиденциальных конструкций тем, что локализует вложенное событие в прошлом и согласуется как именной, а не глагольный предикат. Таким образом, предполагаемые примеры обратного порядка эвиденциальной и эпистемической морфем в действительности являются формами симилятива.

Ключевые слова: эвиденциальность, эпистемическая модальность, семантика, лесной ненецкий язык, уральские языки